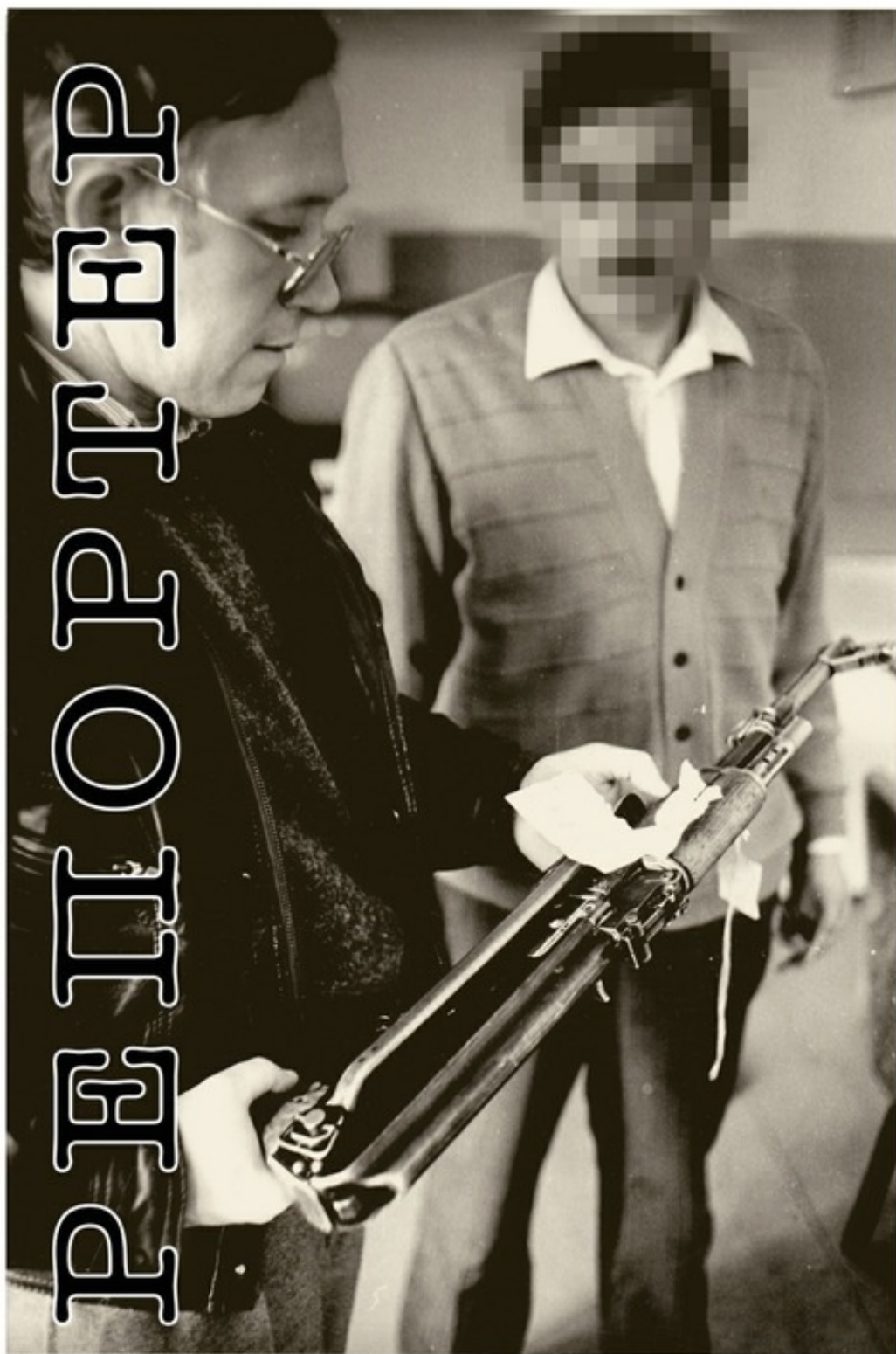

Виктор САВЕЛЬЕВ

В
КРИМИНАЛЬНЫМ
РЕПОРТАЖЕ
И
ОТЧЕТЕ

*криминальные очерки
и репортажи разных лет*

Виктор Савельев

**Я криминальный репортер.
Криминальные очерки
и репортажи разных лет**

«Издательские решения»

Савельев В.

Я криминальный репортер. Криминальные очерки и репортажи разных лет / В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907018-0

Сборник «Я криминальный репортер», как и недавняя книга автора «Я судебный репортер», составлена из очерков, репортажей и расследований автора-журналиста, опубликованных в разные годы. Автор ездил с угрозыском на операции и ловлю карманников, ходил в полицию Стамбула, писал о преступлениях и уголовных делах, сыске, необычных темах. У репортеров по криминалу есть полусхотливый термин «нетлёнка», т. е. с интересом читаемый и спустя годы «газетный детектив». В сборнике — полкниги «нетлёнок»!

ISBN 978-5-44-907018-0

© Савельев В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КНИГИ	6
НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ КНИГИ	8
(Из не написанных когда-то историй)	8
КАК Я ЛОВИЛ КАРМАННЫХ ВОРОВ	9
Журналист меняет профессию	9
Меня учат не смотреть в упор...	10
Красивая воровка	11
Развязка	12
Гроза карманников	14
Подвига в газете не было	15
ЗАХВАТ САМОЛЕТА В УФИМСКОМ АЭРОПОРТУ, 1986 год	16
«ПОГОДИ, ВОТ ВЫЖИВЕМ...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Я криминальный репортер Криминальные очерки и репортажи разных лет

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4490-7018-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КНИГИ про молоко прямо от коровы

Промозглым февральским днем под сырым ветром я, поеживаясь, стоял на речной причальной стенке. На пустом причале кучки людей в штатском и в форме. Некоторых я знаю в лицо, а те, кто мне незнаком, посматривают на меня. Прокурорские работники, сотрудники органов, эксперты, медики... Посторонних нет: причал оцеплен. Я здесь единственный представитель прессы – присутствую как криминальный репортер, пишущий об убийстве директора магазина, которого ищут в большой полынье возле причала.

Работка, надо сказать, у здесь собравшихся адова. На этот причал привозили одного из убийц – он показал, в какой полынье они утопили труп, привязав к нему ящик с инструментами. Я гляжу, как в черную воду погружается водолаз. В ста метрах от этой полыньи я тоже когда-то спускался под воду в водолазном скафандре, это было моим «крещением», первым погружением на заиленное дно реки, где видимости ноль и трудно вести поиск... Как не вяжется с нынешним тот солнечный день, когда я, шатаюсь под тяжестью водолазных «доспехов», спускался с трапа катера в реку... Но вот сигнал из черной полыньи: водолаз нашел, цепляет тросом! Камеры следственных органов и экспертов, понятия и угрозыск, сгрудились у края причальной стенки. Страшную находку с предосторожностями тащат из-под воды. Жутко кричит девочка – дочь директора. Она обезумела и хочет прыгнуть в воду, к отцу... Люди в штатском ловят ее в нескольких шагах от края причальной стенки и уводят рыдавшую девочку в машину. В такие минуты хочется отвести глаза: сыск – занятие не для слабонервных... Но, как говорил один мой коллега-журналист: «Иди и смотри!».

Эта моя вторая книга, названная «Я криминальный репортер» (до нее в феврале 2018 года была издана книга «Я судебный репортер» – о судебных историях). Нынешний сборник собрал мои газетные публикации за 30-летний период о сыске, уголовных делах, бандитских нападениях, захватах и прочих «документальных детективах». Это не перепевы чужих историй, не «вторсырье» нынешних «мастеров копипаста», которые никогда не выезжали на места преступлений, не вели собственных журналистских расследований, не видели своими глазами таких душераздирающих сцен, как прерванный прыжок бедной девочки с причала в черную воду, к отцу... В книге вас ждет, как говаривал польский очеркист М. Ванькович, *«молоко не в фарфоровой чашечке и даже не в подойнике – а прямо от коровы»*.

У меня, автора книги, достаточно богатая биография: прошел в восьми печатных СМИ путь от корреспондента до главного редактора газет... Но опыт криминального очерка и репортажа, основанного на личных впечатлениях и картинах увиденного, стоит в моей практике особняком – как быстрая стремнина на перекате реки. Ведь криминальные репортажи – это не чаепитие у компьютера, а умение погрузиться в атмосферу преступления, добыть факты «на земле» от угрозыска, следствия и очевидцев, вести собственный поиск, а иногда – независимое расследование...

Быть может, в репортажах прежних десятилетий сейчас что-то выглядит архаичным, как ваучеры 90-х годов (о них, кстати, есть очерк), – но автор сборника взял за правило перепечатать былые тексты в первоизданном виде: как «факсимиле» из газет. Из «новоделов» автор позволил себе в книге лишь воспоминание о газете «Версия», куда он приходил с револьвером, и текст «Как я ловил карманных воров», выпукло показывающий читателю «кухню» добычи фактов для репортажа.

Мне повезло быть криминальным репортером во времена, когда коррупция не так разъедала правоохранительную систему и «честный мент», «сыскарь», думающий следователь, неподкупный эксперт не были редкостью. Поэтому с чистым сердцем писалось об их опасной

и трудной службе, мастерах сыска, фанатах расследований, умных операциях. Автор много лет занимался всеми гранями криминальной темы, был вхож к правохранителям и в суды, но никогда не был «полицейским журналистом», отстаивающим ведомственные интересы силовиков. В книге нет сюжетов, сделанных «по заказу», то бишь – «заданию редакции», по чьей-то указке: лучшие темы всегда находишь сам и сам понимаешь, какая «овчинка» стоит выделки. По моему глубокому убеждению, только стоящий на стороне здравого смысла репортер с независимым взглядом, ведущий журналистский поиск и пишущий по велению души, интересен читателю.

Именно такие публикации я собрал в остросюжетную книгу «Я криминальный репортер»...

В. Савельев

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ КНИГИ

(Из не написанных когда-то историй)

На этой пишущей машинке-раритете автор когда-то печатал статьи о криминале.

КАК Я ЛОВИЛ КАРМАННЫХ ВОРОВ или «Подержи руку суке»

Журналист меняет профессию

Однажды – а это было в советское время, в 80-х годах – я договорился с начальством городского Управления внутренних дел, т. е. милиции, что сделаю репортаж о борьбе угрозыска с карманными ворами. К тому времени я уже несколько лет писал на криминальные темы, торчал в судах и дежурных частях милиции, был на слуху и на виду, поэтому разрешение мне дали легко. Тем более, что по линии карманных краж от УВД требовали ужесточения, а хорошая газетная статья о том, как доблестные сыщики хватают карманников, была бы на этом фоне кстати...

Правда, майор по фамилии Карлуша, непосредственный начальник отдела по борьбе с карманными кражами, встретил меня странно. То ли он был нелюдим от природы, то ли получил взбучку от руководства за возражения по допуску «писателя» к секретам отдела; во всяком случае, он, втянув голову в плечи, что-то хмуро буркнул в ответ на мое приветствие, представил меня сотрудникам в штатском и тут же ушел. Человек пять молодых сержантов лет 20—30 в ранге младших оперуполномоченных угрозыска сидели за столами и сосредоточенно перелистывали большие фотоальбомы. Заходил кто-то новый, шептался с коллегами, поглядывая на меня, а затем вытаскивал из шкафа такой же фотоальбом и погружался в изучение фотографий.

Я подсел к одному из сержантов: в фотоальбомах были лица, лица... Всех возрастов и мастей, в основном мужчины, но попадались и женщины. Рядом с каждым лицом (в анфас и в профиль) подпись: кличка карманника, его фамилия, в какие годы попался на кражах. В альбомах отдела был собран весь «цвет» городских «рыцарей кармана» – чтобы их упомнить, каждый сержант в перерыве между выездами на операцию каждый день листал эти тяжелые страницы с крупными фотографиями лиц...

Меня учат не смотреть в упор...

Наконец в один из дней, пошептавшись между собой, одна из оперативных групп из четырех-пяти человек взяла меня на задание. Журналистов сержанты раньше не видели, поэтому стали учить меня как привычного им «стажера». Инструкции были такие: я езжу со всеми по трамваям-автобусам и остановкам транспорта, но слежке не мешаю, а главное: не тарашу глаза в разгар операции. Боже упаси разглядывать объект наблюдения!

– Карманник сразу ощутит взгляд в упор и тут же уйдет! Смотреть можно боковым зрением, а лучше вообще прятать свое лицо и себя...

– Это как?

– Да много способов! Ухватись за поручень трамвая и закрой лицо рукавом, голову поверни так, чтобы тебя не узнали...

Мне показали, как надо укрываться за спинами и головами пассажиров рядом с «объектом» – поскольку половина карманников города знает оперов в лицо, разве что фотоальбомов, как в отделе, не листает. И пошла-поехала работа, смахивавшая на «броуновское движение». Опергруппа то заскакивала в отходящие автобусы, то рассыпалась в толчее остановок, то перебегала улицу, виляя между мчащимися машинами, – и я бежал, виляя с ними. Чтобы не потеться в этой, казалось бы, бестолковщине, я держался одного из оперов, чтобы по его едва заметному кивку или прикосновению к спине прыгнуть вместе со всеми с подножки трамвая и рвать жилы, догоняя очередной троллейбус. Логика этих рысканий явно была из песни: *«Мелькнет в толпе знакомое лицо...»*. За иными «знакомыми лицами» мы ездили по часу, а то и более: опергруппа сразу прекращала скакать козлами по улицам и «дремала» в автобусе, уткнувшись лицами в рукава и проявляя чудеса маскировки за спинами пассажиров, бабушек и теток с кошелками...

Однако самыми трудными для меня оказались топтания на остановках, после чего я понял, почему агентов наружного наблюдения на сленге спецслужб кличут «топтунами». Попробуйте пару часов проторчать на остановке транспорта, не привлекая к себе внимания и не «засвечиваясь»! Тут парни из опергруппы по десять раз меняли дислокацию, то якобы отходили в сторонку покурить, то менялись на остановке местами друг с другом, то кто-то покупал газету и делал вид, что ее читает. В первый раз я даже глазами захолопал, когда увидел командира оперативной группы, по имени Радик, – он был жилистей и старше подчиненных по возрасту – в куртке белобрысого сержанта Володи: в ходе долгого «топтания» на одном месте парни время от времени меняли облик – обменивались куртками, головными уборами, чтоб не примелькаться в толпе ожидавших автобуса.

В один из дней пришел и мой черед:

– Дай-ка твой берет! – тихо шепнул мне подошедший оперативник.

Вскоре я ходил по автобусной остановке в его огромной кепке, напозавшей мне на глаза, а ее хозяин, натянув мой берет, делал вид, что «читает объявления» на столбах у павильона. Чуть позже, когда с меня сняли и плащ для маскарада, тихо отдав мне для переодевания чью-то куртку, я понял, что команда окончательно признала меня «своим», оценив умение «стажера» не портить обедню и следовать правилам. Такое вживание в среду оперативников, конечно же, повышало шансы на хороший репортаж...

Красивая воровка

Нет, не зря мы в тот день столько топтались в водовороте людей на транспортной остановке близ большого завода: сегодня цехам дали зарплату, самый резон карманникам выйти сюда на промысел. Люди шли и шли после смены, переполняли подхлывшие автобусы и троллейбусы: «час пик», благодатная толчея, давка на посадке в транспорт... В ком я только не видел скрытого карманника, пока старший опергруппы Радик не показал мне глазами на спину женщины в синем пальто. Она несколько раз бросалась с толпой штурмовать переполненный транспорт – и откатывалась от его закрывшихся дверей вместе с другими не попавшими в автобус людьми назад, на остановку...

Вот бы в ком я не заподозрил воровку! Это была очень-очень приличная на вид женщина, в стиле пышных купчих на картинах художника Кустодиева или женщин Рубенса, степенным лицом и осанкой похожая на главбуха, случайно затесавшегося на остановку с заводскими работницами. На ней было добротное синее пальто, тоже очень приличное, что настолько делало в толпе «кустодиевскую красавицу» дамой вне всяких подозрений, что я бы не поверил в ее способность красть, если бы не понимал, что мадам «срисовали» те, кто каждый день листает фотографии карманников и многих знает в лицо!

Теперь я понимал, чего выжидала опергруппа, то кидаясь с толпой к трещащим дверям подхлывших автобусов, то отбегая с откатившейся толпой. Не глядя на даму, голубым пятном маячившую впереди, я несколько раз подкатился и откатился туда-сюда к автобусам вместе с опергруппой... «Садись!» – вдруг шепнул мне в ухо пробежавший опер. Воровка, несмотря на полноту, уже ловко протиснулась в автобус двадцать шестого маршрута. Оперативники сновисто ввинтились в закрывающиеся двери. Я тоже ухватился за поручень задних дверей автобуса и повис на нем, сумев всунуть ногу на подножку между чьих-то ног. От натуги у меня шли круги в глазах, но я бы скорей умер, чем отцепился от поручня! Меня ругали и выпихивали из салона, а кто-то треснул локтем по голове, но я кое-как вдавился в автобус, прищемивший мне плащ при закрывании дверей. Всё! Я ехал с угрозой на долгожданное задержание! И еле мог дышать, сдавленный со всех сторон локтями и спинами пассажиров автобуса...

Развязка

Ехать пришлось долго, на окраину города. Следуя науке, я глаз не поднимал на синее пальто, пробравшееся в толчее автобуса к раззяве-заводчанке с сумкой через плечо, приготовившейся идти на выход. Два опера умудрились тереться в этой давке в метре от «пальто». Весь юмор был в том, что половину оперативной группы, ехавшей у нее за спиной, рецидивистка тоже знала в лицо по прежним задержаниям, но сержанты «вели» ее до самого «щипка», т. е. кражи, прячась за пассажирами. Давка была страшная: одни толкались к выходу, другие ругались за отдавленные ноги... Ловец чужих зарплат, чутко озирающаяся дама, так и не учуяла охоты за собой, припав к заводской работнице, выходившей из автобуса. Схватили дамочку за руку, когда она отвалила от вышедшей на остановке женщины, держа в кулаке кошелек, вынутый из чужой сумки...

О, какой был крик! Размахивая удостоверениями, оперативники потеснили пассажиров для вывода задержанной. На ближайшей остановке старший группы сержант Радик прямо за руку выволок упирающуюся воровку из автобуса – совсем как мангуста тащит из норы змею. И уж больше не выпускал ее руку с кошельком из своих лапиц, поскольку оперативник обязан «фиксировать», т. е. держать в тисках руку воровки вплоть до вызова «понятых» (которым затем под протокол продемонстрируют улику: кошелек в руке вора-«щипача»).

Рыдающую и воющую воровку посадили на скамейку близ остановки, меня – рядом с ней. Радик сидел на корточках перед мадам – со стороны ни дать ни взять: влюбленный мужик «греет», обласкивая двумя пятернями, нежную руку своей Маруси (с украденным кошельком!).

– Ра-дик! – рыдала мадам, которую Радик брал с поличным в третий раз. – Отпусти, Радик, я точно завязалась! Ну, прости меня! Вот-те крест, в последний раз «на карман» сегодня пошла, напоследок пива хотела купить!

В 80-е годы мобильных телефонов еще не изобрели, звонить ближайшей милиции насчет транспорта приходилось с телефонных будок на улицах и от вахтеров общаг. Все опера разбежались: кто искать машину для «арестантки» и телефон, а белобрысый Володя еще на предыдущей остановке спрыгнул с автобуса, чтобы привести потерпевшую, не заметившую кражи кошелька. На скамейке остались только «нежный» Радик, я в чьей-то кепке и мадам, ревевшая у меня на плече. Тянулось время, но машины не было. Радик нервничал – его подчиненные словно провалились!

– Слушай, поддержи руку этой суке? – вдруг предложил он мне. – А я в общагу рядом сбегая, где точно есть телефон...

– Ты охренел?! – зашипел я, осознав, куда ведет роль «стажера».

Радик не понял моего отказа:

– Да ты не бойся, это просто: я научу тебя захвату руки, чтоб она кошель не сбросила. Ты сейчас перехватишь ее кулак у меня, покрепче сожмешь вот таким макаром...

– Да иди ты! – чуть не завопил я.

Радик обиделся, засопел на корточках, уткнувшись взглядом в удерживаемый кошелек. Тут стали сбегаться сержанты, вызволившие машину: она мчалась к нам из РОВД. Белобрысый опера Володя пешком привел «терпи́лу» (так на сленге зовут потерпевшую): молодую работницу, рыдавшую из-за кражи зарплаты. Ее тоже примостили на скамейке, но так, чтобы я, как живой щит, отгораживал жертву от обокравшей ее «купчихи». Теперь обе рыдали у меня на плечах: воровка – на правом, потерпевшая – на левом.

– Женщина, прости меня! – кричала справа воровка, понимая, что «ходка» на зону ей обеспечена. – Не пиши на меня заявления ментам...

– Никогда не прощу! – рыдала ее жертва слева и через меня огрела сумкой карманницу. Та свободной рукой ответила «терпíле» из-за моей спины: удар пришелся в основном по моей шее!

Я из последних сил «держал нейтралитет», получая вместо уклонявшейся за меня рецидивистки оплеухи от разбушевавшейся «терпíлы». К счастью, подкатил милицейский «воронок», и рыдавших дам опергруппа увезла в райотдел; воровку в «воронок» умело ввели под руки, не давая скинуть единственную улику. Там в дежурной части полностью расчистили письменный стол – и над ним, под протокол, на глазах у приведенных понятых, разжали кисть руки рецидивистки и подсчитали деньги в кошельке, выпавшем из руки мадам. Пока оформляли протокол, она не переставала скулить, растирая посиневшие пальцы и размазывая по лицу слезы и тушь ресниц... На прежнюю степенную «кустодиевскую красотку» она теперь не походила!

Гроза карманников

На другой день милицейское начальство – в довесок к удачному задержанию – прислало ко мне в редакцию «легенду угрозыска», бывшего грозу всех карманников города.

Легендарный опер был невысокого росточка пенсионером МВД, теперь садоводом. Пенсионер поведал о страхе, в коем он когда-то держал «щипачей», ворча на нынешних оперов, которые без машины и доставить-то вора не могут. А вот они с напарником в каком-то году ночью шесть километров пешком вели карманника в ближайшую милицию, держа за обе руки. Но так и не дали ему сбросить украденный «лопатник» (т. е. кошелек).

– Да что же он за такой путь руку-то от вас не вырвал? – изумился я.

– А вы возьмите мой бумажник, – предложил бывший опер, достав из куртки потертый дедовский кошель.

Я не успел как следует взять потертый хром кошелька правой рукой, как дед сплющил мои пальцы костоломным захватом. Я взвыл почище, чем та воровка на скамейке! Рукопожатие статуи командора Дону Гуану в «Каменном госте» А. С. Пушкина было пухом в сравнении с тем, что этот мастер мог сотворить со схваченной кистью руки, с ее пальцами, сдавленными суставами...

– Ну, теперь попробуйте разными способами вырваться! – предложил пенсионер.

Но вырвать руку из пальцев старого профессионала не удалось. По уходу бывшего «опера» я долго массировал кисть руки, онемевшую от «железного капкана», и только тогда в полной мере понял, что значило «*подержать руку этой суке*». Вот почему карманница скулила в рай-отделе, даже когда ей отпустили руку... Надо было на себе испытать этот костоломный захват, чтобы понять, что рыдала рецидивистка не только из-за того, что попалась, но и от боли в пальцах, которые «стискивали» больше часа...

Подвига в газете не было

То, что негоже репортеру заламывать пальцы женщине, даже воровке, это даже не обсуждается... От такого «участия журналиста в событиях» с ума бы свихнулись на журфаках, где нас учили окунаться в жизнь. Но я так и не написал этот репортаж, хотя редко журналисту выпадает удача присутствовать при реальном задержании преступника, быть очевидцем, а не писать с чьих-то слов. Но что-то меня останавливало: то ли нехватка еще какой-то фактуры, то ли (что я чувствовал скорей подсознанием!) правда жизни оказалась слишком горька, чтобы я расписал подвиги сыска после слёз боли женщины и урока отставного «костолома»... Возможно, не будь «эпизода» на скамейке, у меня бы и написался очерк... Но предложение мне, журналисту, «подержать эту суку» и самому малость помучить женщину, замяв ей кисть руки, словно подрезало жилы прежде задуманной темы. Какое уж там «и пальцы просятся к перу, перо к бумаге»! Тянулись дни за днями, а я все не мог сесть за текст – не писалось откровенно... Конечно, более бойкий репортер просто выкинул бы «досадный эпизод» и «навалял» в газету какую-нибудь бодренькую полуправду с «позитивом»... Но я не пишу тексты, за которые стыдно.

Так или иначе, но по каким-то причинам репортаж не написался, хотя мне звонили из милиции, интересовались... Не срослась у меня тема и с той внутренней правотой, которая, верю, необходима журналисту для честного очерка в газету. В итоге зря потеряли время все, в том числе и я, потратив пару недель на погружение в жизнь опергруппы угрозыска.

Как ни смешно, но выгоду от этого получил майор Карлуша: ни один из секретов его отдела так и не вышел на газетные полосы.

Виктор САВЕЛЬЕВ.

(Написано в 2018 году специально для книги «Я криминальный репортер»).

ЗАХВАТ САМОЛЕТА В УФИМСКОМ АЭРОПОРТУ, 1986 год

«ПОГОДИ, ВОТ ВЫЖИВЕМ...» 14 часов из жизни семьи Сафроновых

Удивительно, что к ним еще не заглядывал ни один газетчик, а оказалось, жили Сафроновы через квартал от редакций, в доме, мимо которого я лично прохожу, по крайней мере, дважды в день. Обычная комната на девятом этаже, обычная семья. У Геннадия Геннадьевича спокойная манера разговора, привычка курить сигареты с фильтром. Людмила Петровна – Люся, как он ее называет – за беседой то и дело поглядывает на экран телевизора: что там? Разговору иногда мешает белобрысый пятилетний Женька: то залезет на мать верхом, то целит в нее и щелкает из пластмассового пистолета. Женьке по малости лет и невдомек, что год назад в его маму направили ствол вовсе не игрушечного пулемета – пулемета, из которого уже скосили двух сотрудников милиции и через секунды скосят еще двух пассажиров и ранят беременную женщину... Что из той холодной сентябрьской ночи мама и папа могли вовсе не вернуться в его комнату, где так хорошо скакать с пистолетиком и лазить по детской спортивной стенке. Да, так уж получилось, что во время захвата бандитами самолета в Уфимском аэропорту в ночь с 19 на 20 сентября прошлого (1986) года в центре событий оказалась уфимская семья – муж и жена Сафроновы, работники аэропорта. Рассказать о том, что видели они – очевидцы, – и хотим мы в этой публикации. Попробуем восстановить, как это было, не прибавляя и не приукрашивая...

ПИСАТЬ ОБ ЭТОЙ истории трудно – хотя в интересах следствия подробности инцидента долгое время не давались в печать (кроме короткого сообщения ТАСС), для горожан не новость, что произошло в аэропорту и кто были угонщики. Сейчас, когда над ними прошел суд и история получила огласку, стоит лишь вкратце напомнить ее фабулу: преступление совершили военнослужащие одного из подразделений внутренних войск МВД СССР, наркоманы, решившие угнать самолет и улететь на нем за границу. Дезертировав из расположения роты и похитив из оружейной комнаты ручной пулемет, автомат и боеприпасы, они на захваченном ими такси ночью приехали в аэропорт, убили по пути двух милиционеров в патрульном автомобиле и залегли в канаве за летным полем, выбирая объект для нападения. Преступники выждали, когда поднимутся пассажиры в один из «транзитных» лайнеров ТУ-134, выполнявший рейс №36075 из Львова в Нижневартовск и дозаправленный в Уфе, и с оружием в руках ворвались вслед за ними в салон...

Писать об этой истории трудно и потому, что была возможность предотвратить захват самолета – ведь пока преступники лежали на краю летного поля и высматривали подходящую для нападения машину, сообщение о готовящемся угоне уже было передано в аэропорт – но посадку в самолеты не прекратили, понадеявшись, видно, на «авось», и трапы от них не отгнали. Рейс №36075 ведь не случайно подвергся нападению: посадка на него шла в удобном для налета темном месте, хотя по здравому смыслу, после столь тревожного сообщения можно было бы пренебречь расписанием и отправлять самолеты только с хорошо охраняемого и хорошо освещенного поля – чтобы избежать беды. Тем не менее эффективных мер не приняли. «После того, как нам под строгим секретом сообщили, что в аэропорт движется

банда, никто из девчонок не хотел выходить на летное поле, – вспоминает Людмила Петровна Сафронова, бывшая в ту ночь старшей дежурной по регистрации авиабилетов. – Вообще-то я не должна была сама выводить пассажиров к самолету, но одна из дежурных отшутилась: не пойду, мол, у меня ребенок, не пошла и вторая. Было очень холодно, лил дождь – пассажиров повела я... А когда я не вернулась, все на регистрации поняли – почему...»

Начало публикации в номере за 26 октября 1987 года выглядит так.

ТУТ, НАВЕРНО, надо сделать оговорку – решив написать о семье Сафроновых и о том, что чувствовали и как вели себя в общем-то обычные люди в экстремальной ситуации, мы вовсе не собирались анализировать просчеты тех, кто отвечает за безопасность авиарейсов (такой анализ компетентно сделан следствием). Тем не менее упоминаний о вопиющей безалаберности нам не избежать – ну как, к примеру, объяснить, что через полтора часа после предупреждающего тревожного звонка в аэропорт экипаж готовящегося к вылету ТУ-134, имеющий радиосвязь с диспетчерской службой, не был поставлен в известность про объявленную тревогу и пребывал в полном благодушии! Людмила Петровна, рассадив 76 пассажиров в салоне самолета, не успела взять в проходе документы у подошедшего второго пилота Вячеслава Луценко – по трапу в самолет ворвалась грязная и мокрая фигура с оружием в руках, в нее и стюардесс нацелилось прыгающее дуло ручного пулемета. Спасло то, что бандит за выступающим углом бортовой кухни не мог видеть вышедших из кабины членов экипажа и на миг отвлекся на закричавшую в салоне бортпроводницу Сусанну Жабинец. Воспользовавшись этим, Людмила Петровна с криком: «Банда!» выскользнула за угол к кабине. «Какая еще банда, какие бандиты?» – изумляясь, не понимал Вячеслав, сзади которого расхохотался «шутке» командир корабля. Но момент был горячий, и комплекция у Людмилы позволяла: она в мгновение вмяла опешивших мужчин в кабину и вбежала сама. «Мне уж после было стыдно, когда магнитофонную запись на следствии крутили, что я кричала на них в ту минуту», – смеялась потом Сафронова. Но тогда было не до смеху: в салоне уже гремели выстрелы, сползал на кресло прошитый пулями пассажир, гигантского сложения человек, вздумавший остановить бандитов, смертельно ранен был еще один, пули зацепили женщину. Чтобы предотвратить кровавую «баню», экипаж в знак полного разоружения выкинул в салон разряженный пистолет, но так и не сдал своих позиций, укрывшись за бронированной дверью кабины. Четырнадцать томительно долгих часов длилась эта осада, и четырнадцать часов захвативших самолет наркоманов уговаривали отпустить женщин, детей, подождать, пока в салоне залатают дыры от пуль и т. д. Делалось всё, чтобы затянуть время, найти выход...

В ЭТОМ МЕСТЕ, наверное, надо прервать рассказ, чтобы читатель не подумал, что сейчас начнутся громкие слова о самоотверженности, героизме, бесстрашном выполнении долга...

В жизни всё проще – не железные люди встретили этот налет, не будем скрывать, что у многих в ту ночь поджилки тряслись от пережитого ужаса. Мне рассказывали, как сдавали нервы, как прыгал в руке микрофон и срывался, дрожал голос у опытного командира экипажа, когда он сообщал «на землю» о нападении, как не по себе было многим людям, далеким от героических дел и риска, ходить под прицелом у озверелых наркоманов, отгонять и подгонять по их команде трап, увозить убитого, принимать раненых. И тем не менее преступники, похвалявшиеся в захваченном салоне: «Мы вдвоем весь ваш аэропорт на лопатки положили!» – просчитались жестоко. Помаленьку и полегоньку аэрофлотовский народ от шока оправился, захваченный наркоманами самолет блокировали сначала своими силами, второй пилот Вячеслав Луценко и стюардессы Лена Жуковская и Сусанна Жабинец (они из Борисполя) вели с бандитами самый настоящий психологический поединок и уговорили отпустить из самолета первую партию пассажиров под предлогом, что это уменьшит полетный вес и расход горючего при полете к границе.

– Мы в это время занимались эвакуацией выпущенных людей, оказывали им помощь. Одну из женщин во время нападения угонщик ударил прикладом, я перевязал ее, несколько раз ходил под самолетом, – вспоминает Геннадий Геннадьевич, который волей случая был направлен в качестве техника на выпуск злополучного рейса №36075 и оставался возле него до конца. – В этой напряженной обстановке, среди крови, люди сразу трезвели, приходили в себя. Помню, когда еще мы до приезда милиции блокировали подход к ТУ-134, с соседней стоянки пришла поглазеть любопытная стюардесса. Я ей говорю, что нельзя, а она только плечиком ведет. И вдруг мимо проехал трап, на котором везли застреленного бандитами человека, – тут уж никакие слова не понадобились: стюардессочку как ветром сдуло...

Да, та ночь была испытанием для многих – замерзшие и мокрые люди были на пределе нервов и сил. «Больше всего меня удивляло тогда, – скажет потом Геннадий Геннадьевич Сафронов, – что в захваченном салоне пассажиры сидели под дулом пулемета, а рядом – вроде бы спокойно – работал аэропорт, взлетали и садились другие самолеты. Это никак не укладывалось в голове, хотя и меня пару раз посылали – авиатехников не хватало – с других стоянок самолеты «вытолкать»... Я еще не знал, что Люся моя находится в кабине захваченного ТУ-134, мне даже мысль такая в голову не приходила... И вдруг в шесть утра, светать уже стало, один из сотрудников спрашивает: «Ну, что там Сафронову? Не выпустили еще?» Я всё понял. Представляете, что я в этот момент почувствовал! С той минуты я от захваченного самолета уже никуда не уходил...

ДА, ТЕПЕРЬ ОНИ ОБА знали – что они оба здесь. Несколько раз он выходил ее смотреть – и она припадала к стеклу кабины лицом и старалась улыбаться, показывая пальцами, что хочется пить – воды у них не было. Он бросился искать – где-то нашли бутылки с минеральной водой, но передать их не было возможности. В кабине самолета стоявший у «глазка», из которого виден салон и пассажиры, второй пилот Луценко в который раз пытался убедить преступников не проливать кровь, отпустить пассажиров, сдаться. Экипаж вел переговоры, оттягивая взлет под предлогом, что сейчас придут ремонтники и «заштопают» продырявленную пулеметными очередями обшивку самолета. «К тому времени-то мы уже приободрились, – рассказывает Людмила Петровна, – ребята из экипажа что-нибудь веселое припоминали, чтобы поддержать меня. Смеялись: «Покажи в окошко твоего-то!» Я показывала им из окна Гену. Они нахваливали: «Ого, какой он у тебя черненький, кучерявый! Погоди, вот выживем – на море отдыхать поедем...»

Выжить было еще непросто: видя, что намеченный ими вылет все откладывается и откладывается, взбешенные налетчики начинали взвинчивать себя истерическими криками, грозились, что начнут расстреливать пассажиров. Стюардессы в салоне, как могли, успокаивали

их, подавали кофе, просили за пассажиров, сидевших в полном молчании и оцепенении уже несколько часов.

В девять утра Геннадий залез на фюзеляж самолета и прошагал его из конца в конец – надо было делать вид, что авиатехники всерьез выполняют требования наркоманов и начинают ремонт машины. Его шаги грохотом отдались в салоне. «Это был такой страшный момент, – скажет потом Люся. – Я думала, что наркоманы начнут стрелять – так они тогда напугались и закричали, заслышав над собой шаги. Второй пилот их еле уговорил через дверь, сказал: вы же просили вызвать техника, вот он и пришел...»

В тот момент Геннадий, действительно, был на острие, риск был велик. Но боялся больше за жену, хотя уже не было ночной нервозности. В его техническом домике на стоянке и вокруг самолета, в укрытиях, уже сидели работники милиции, ждали прибытия группы захвата. Было ясно, что часы налетчиков сочтены, шла подготовка к короткому штурму.

НАВЕРНО, НАДО сказать читателям, что за свои действия Геннадий Геннадьевич и Людмила Петровна Сафроновы были награждены правительством: он – орденом «Знак Почета», она – медалью «За трудовую доблесть». Когда я попросил посмотреть, Люся достала из шкафа две красные коробочки. Супруги Сафроновы сознались, что еще ни разу не надевали наград – да и вручали им их не прилюдно: в Министерстве гражданской авиации СССР при пустом зале – следствие тогда еще не было закончено, и делу не давали огласки. «Я до сих пор не пойму, почему это орден дали мне, а не Люсе, ведь ей больше досталось, в самолете-то была она, – без всякой рисовки, искренне недоумевает Геннадий. – И, собственно, за что наградили нас – ведь не один же я к самолету ходил, много там было нашего аэродромного народа. Вот Пашу Кузнецова, техника-радиста, не включили в список для награждения – а ведь это он пассажиров от самолета помогал выводить под прицелом у бандитов, встречал людей у трапа, раненого, который потом скончается в санчасти, на руках с поля вынес. Водителя самоходного трапа Морковникова Лешу за ту ночь медалью наградили – а ведь рядом с ним Сергей Бочкарев работал у самолета, Сережа и увозил того погибшего пассажира, о котором я говорил...»

Меня во время этого разговора как раз больше всего и поразило, что Сафроновы вроде бы и чураются славы, признания – не надо ее им, лишь бы сами живы были да Женька, пацан, скорее рос... Лично мне это глубоко симпатично – и понимая, что каждый из ходивших под прицелом у налетчиков достоин сам по себе газетного очерка, мы все же – в ответ на поступающие просьбы читателей после завершения суда над бандитами сообщить подробности той ночи – выбрали для своего рассказа именно Сафроновых. Наверное, потому, что в их неброском поведении до и после этой истории высвечивается что-то очень типичное для многих наших людей – что-то такое, что чувствуется всеми, но трудно передается на словах...

– **ЛЮСЯ ОЧЕНЬ** болела после всего этого, – словно извиняясь, сказал мне Геннадий Геннадьевич, когда хозяйка в халатике, напоив чаем, вышла после тяжелых воспоминаний из комнаты. – У нее ведь и сейчас нервы от тех переживаний расстроены...

Те четырнадцать часов в осаде были такими бесконечно долгими – и дорого стоили всей родне. В аэропорту, замирая от каждого сообщения, все эти мучительные часы и минуты ждали Люсю срочно приехавшие из Булгаково ее мать, тетка, два брата... Не находила себе места мать Геннадия Геннадьевича, сидевшая в это время с маленьким Женечкой. Ждали – сначала рассвета, потом освобождения.

...Бандитов взяли штурмом во второй половине дня. Они уже понимали, что проиграли – в последнем загуле требовали у «земли» принести им наркотики, пытались устроить танцы под магнитофон, бились в истерике. В конце концов стюардессы упростили наркоманов освободить пассажиров и сбежали под шумок – теперь заложниками у бандитов оставались только члены экипажа и Люся, запертые в кабине самолета. Перед штурмом мужчины усадили Люд-

милу Петровну в самое безопасное место, прикрыли ее портфелем с металлическим бортжурналом... Бандиты выдвинули последний ультиматум: если через десять минут не выполните наши требования, то откроем огонь по кабине... Их опередили сотрудники прибывшей группы захвата – застрелив одного из налетчиков, Мацнева, они взяли в короткой схватке второго, С. Ягмуржи. Весть о завершении операции быстро покатила по аэродрому. На непослушных ногах, зажмурясь, пошла по окровавленному проходу к трапу Сафронова. Кто-то из мужчин подал ей руку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.